

ИСПЫТАНИЯ

НА ПОЛИГОНЕ

Получив разрешение высокого начальства отправиться на полигон самолетом, Расплетин задержался в Москве. Мне сказал, чтобы я также задержался и летел на полигон вместе с ним.

Зима под Сталинградом бывает очень морозной. Расплетин и я вместе с женами пошли по магазинам купить что-нибудь из подходящей для полигонных условий теплой одежды. Ассортимент магазинов того времени не позволял надеяться на успех. Единственным, что более или менее подходило, были безрукавки из грубой овчины с матерчатым верхом. Несимпатичные и не очень удобные. Но не уходить же с пустыми руками. На полигон их привезли, но после нескольких попыток из-за неудобства использования отставили. Прошло десять лет и, привезя из роддома нашу дочь, мы с женой, как принято, положили ее в единственное меховое изделие в нашем гардеробе — ту самую безрукавку.

Отправлялись мы на полигон 5-го октября с Центрального аэродрома, находившегося тогда на Ходынском поле. Летели небольшой группой. Кроме Расплетина и меня — Люся Глебова и еще один инженер, Володя Куклев. Ожидали вылета дома у Расплетина: чтобы оказаться на

аэродроме надо было только перейти Ленинградский проспект. Я и Люся не скрывали некоторого волнения: для нас это был первый в жизни полет. Куклев же говорил, что для него летать — дело привычное.

Самолет Си-47 был военного грузового исполнения: в «салоне» всего два кресла у единственного столика около одного из иллюминаторов. Напротив небольшая скамейка, над ней подвешены носилки. Расплетин и Глебова — в креслах, мы с Куклевым — на скамейке. Храбдившийся перед полетом Куклев сразу после взлета почувствовал себя плохо, забрался на носилки и пролежал там весь полет. У Глебовой в открытое небольшое отверстие в центре иллюминатора воздухом вытянуло шелковый шейный платок. Других «приключений» в полете не было.

Несколько часов полета, и самолет приземлился на степном грунтовом аэродроме «Конституция». Была сухая солнечная погода, сильно ветрило. Самолет встречали расплетинская «Победа» и небольшой автобус. Через несколько минут мы уже были на головной площадке полигона. «Площадками» назывались все его объекты. Различались они по номерам, весьма условным. Головную площадку построили в непосредственной близости от аэродрома и назвали 30-й. Остальные площадки имели номера большие 30-го (номера меньше 30 принадлежали площадкам соседнего полигона испытаний баллистических ракет).

Головная площадка делилась главной дорогой полигона на две части. На границе, обращенной к Капустину Яру, — въезд на полигон. На противоположной границе — выезд к остальным объектам полигона. Справа от дороги — технологическая часть площадки, слева — административно-бытовая.

В технологической части — техническая база хранения и подготовки ракет к пускам и отдел анализа результатов

испытаний. Все строения в административно-бытовой части — не выше двух этажей. В ее начале — казармы для солдат и «гостиницы» для офицеров и представителей разработчиков и промышленности. В конце, у выезда с площадки к остальным объектам полигона, начинался строй финских домиков. Он шел вдоль границы площадки. Первый домик занимал начальник службы режима предприятий промышленности. Следующие четыре были домиками Калмыкова, Расплетина, Лавочкина и начальника полигона генерала Павла Николаевича Кулешова. За домиком Кулешова территория площадки заканчивалась, и ряд домиков поворачивал к началу площадки. Шестой домик (первый после поворота) называли «маршальским». Его всегда держали наготове на случай приезда высоких гостей. Дальше следовали домики штаба и других административных служб полигона. Часть площадки между главной дорогой, финскими домиками и гостиницами, позже сплошь застроенная, тогда предс-

П. Н. Кулешов

Н.А. Хейфец

тавляла собой кусок первозданной заволжской степи с единственным строением в центре — одноэтажной «офицерской» столовой.

К моему удивлению Расплетин сказал, что в его домике буду жить и я. Так я оказался вместе с Расплетиним и на работе, и на отдыхе. И был этим очень доволен: с Расплетиним было интересно всюду и в любой обстановке — и когда нам сопутствовал успех, и в трудные моменты. Лавочкин также жил не один, с ним домик разделял его заместитель Наум Абрамович Хейфец.

Оставив вещи в домике, мы сразу же выехали на ЦРН. Площадка ЦРН (33-я) находилась в 18 километрах от головной, по левую сторону главной дороги. На ней — два одноэтажных здания: кирпичное и деревянное (щитовое). Кирпичное — для аппаратуры ЦРН. Как и в штатных радиолокаторах, в нем были предусмотрены отдельные помещения для высокочастотной аппаратуры, рабочих мест операторов и многоканальной части ЦРН. Деревянное — для перебазированного из Москвы комплексного моделирующего стенда. Перед ЦРН — стартовая позиция зенитных ракет В-300 (площадка 32).

В одном-двух километрах от ЦРН, по другую сторону дороги — площадка 31 с жильем для основной массы командированных на полигон гражданских испытателей. В нормальных бытовых условиях — единственном финском домике — здесь жили только руководители. Условия жизни остальных были почти спартанскими. Жилое здание — одноэтажный дом, барачного типа, с комнатами на несколько человек. Одну половину занимали военные специалисты, другую — представители КБ-1. Все «удобства» — на улице. В баню ездили в Капустин Яр, по воскресеньям. На полигоне действовал сухой закон. Поэтому спиртное покупали в этих поездках и тайно провозили на площадки. И о поездках в Капустин Яр вскоре стали говорить: по-

ехать в город «кстати помыться». Но не бытовые трудности, а увлеченность интереснейшей работой определяла настроение дружного молодежного коллектива испытателей.

Прошло всего 15 дней со времени окончания испытаний опытного образца в Жуковском. Но за это время ЦРН — огромный, сложный радиолокатор — был не только доставлен в Капустин Яр, но и смонтирован на испытательной площадке полигона, и проверен на функционирование. Началась стыковка ЦРН с аппаратурой стартовой позиции.

Погода стояла хорошая, и в первый же наш выходной Кулешов предложил Расплетину съездить на Волгу, сбросить накопившуюся в Москве усталость. Вместе с сопровождавшими Кулешова офицерами, на трех УАЗиках мы двинулись к Ахтубе — рукаву Волги. Перебрались через нее по наплавному мосту. Дальше пошли бочаги — небольшие пруды, образующиеся при разливе Волги в естественных углублениях. Остановились у одного из них. Офицеры стали рассказывать, что в таких небольших водоемах водится рыба. Этого было достаточно, чтобы Расплетин завелся. Он вырвал ивовый прут, откуда-то достал веревку и английскую булавку и из всего этого соорудил что-то отдаленно походившее на удочку. Устроился вблизи воды и стал весьма натурально представлять будто действительно ловит рыбу. Оторвать Расплетина от этого занятия не удавалось. Видя, как Расплетин радуется затеянной им игре, Кулешов не стал ее прерывать, а за рыбой отправил офицеров на двух УАЗиках. Устраивать по поводу и без повода разнообразные «розыгрыши» было для Расплетина любимым способом сбросить накапливающееся в работе напряжение. Его выдумкам радовались все, кому доводилось в них участвовать. И больше всех им радовался он сам.

Посланные за рыбой вернулись с судаками. В одной из машин ими было заполнено все пространство между задним и передними сидениями. Доехать до Волги времени не оставалось. К тому же мы проголодались. Направились в обратный путь. Когда переезжали Ахтубу, уже темнело. На берегу местная жительница что-то готовила на костре. Спросили, не согласиться ли что-нибудь соорудить из наших судаков. На костер был водружен огромный чугунок. Хозяйка набила его цельными судаками хвостами вверх. Пока они варились, была приготовлена следующая закладка, теперь уже нарезанная на куски. Цельные судаки были отданы собакам, вторую закладку с огромным удовольствием уничтожили мы. Наверное, та уха была не лучше и не хуже других, но ни одна из них так не запомнилась.

СТРЕЛЬБЫ ПО ИМИТИРУЕМЫМ ЦЕЛЯМ

В начале рассказа о «Беркуте» я уже писал, что, спустя месяц после образования КБ-1, в сентябре 1950 г. был определен разработчик зенитной управляемой ракеты. Им стало ОКБ известного авиаконструктора Семена Алексеевича Лавочкина. До перебазирования ЦРН на полигон работы над радиолокатором наведения и ракетой шли параллельно. Теперь же настало время приступить к комплексным испытаниям ЗРК — стрельбам ракетами, управляемыми ЦРН.

В прошедшие с начала работ над «Беркутом» два года ОКБ Лавочкина и возглавленная им кооперация предприятий выполнили огромную работу. За год были проведены проектирование оригинальной зенитной управляемой ракеты, включая ее разнообразное оборудование, изгото-